

Руслан Скрынников Бегство Курбского

««Прометей» Историко–биографический альманах серии «ЖЗЛ». т. 11»: М.; 1977

БЕГСТВО КУРБСКОГО

В середине XVI века царь Иван Грозный и Алексей Адашев, опираясь на поддержку влиятельных боярских кругов, осуществили важные реформы, преобразившие Русское государство. Смерть Адашева и попытка Грозного утвердить принципы единодержавия положили конец эпохе реформ и полностью изменили политическую ситуацию. Знать охотно простила бы царю отставку его худародного советника Адашева, но она не желала мириться с покушением на прерогативы Боярской думы. На случай смерти Иван IV в 1561 году назначил семь душеприказчиков, которые должны были править страной от имени малолетнего наследника до его совершеннолетия. Большинство мест (четыре из семи) в опекунском совете должны были получить «дядья» наследника — бояре Захарьины. Распоряжения царя по поводу опекунского совета не осуществились, но они показали всем, кто пришел к власти после Адашева. От участия в политической жизни были отстранены такие влиятельные люди, как удельные князья Владимир Старицкий и Иван Бельский, как авторитетные вожди Боярской думы князья Александр Горбатый и Дмитрий Курлятев, Иван Шереметев и Михаил Морозов, вершившие дела в пору реформ.

Стремление Грозного править с помощью нескольких родственников, вызвало повсеместное негодование. Бояре громко жаловались на нарушение старинных привилегий думы. Первыми запротестовали владетели удельных княжеств — дядя царя князь Глинский и глава Боярской думы князь Вольский. При аресте у Бельского были найдены охранные грамоты от польского короля Сигизмунда II Августа, гарантировавшие ему убежище в Литве, а также. подробная роспись дороги до литовского рубежа. По–видимому, у Вольского были единомышленники в среде высшей знати. Одному из них — троюродному брату царя князю Вишневецкому удалось бежать за рубеж вскоре после изобличения Вольского.

Царь был встревожен изменой своих удельных вассалов, но пытался уладить конфликт мирными средствами. После кратковременного ареста Глинский и Бельский получили назад наследственные земли. Однако раздор между царем и знатью быстро разрастался. Князь Курлятев, пытавшийся бежать в литовские пределы, был насильственно заточен в монастырь. Попали в тюрьму удельные князья Воротынские, владения которых располагались близ литовской границы.

Оттесненная от кормила власти, но не сокрушенная удельно–боярская оппозиция все чаще обращала свои взоры в сторону Литвы. Там искали спасения те, кто не хотел мириться с самодержавными устремлениями Грозного. Оттуда ждали помощи те, кто подумывал об устранении царя Ивана.

Тревога властей по поводу литовских связей оппозиции усиливалась по мере того, как на русско–литовской границе разгоралась война. В конце концов царь заподозрил в измене своего двоюродного брата — князя Владимира.

Подозрения имели под собой основания. В 1563 году, когда царская армия и старицкие удельные полки скрытно двигались к Полоцку, из царской станки бежал знатный дворянин Борис Хлызнев–Колычев, предупредивший полоцких воевод о намерениях Грозного. Беглец принадлежал к числу ближних людей князя Владимира и, как полагал царь, имел от него поручения к королю Сигизмунду II. Опасаясь предательства, Иван учредил бдительный надзор за семьей брата».

Интрига старицких «государей» вышла наружу после того, как удельный дьяк Савлук Иванов решил разоблачить своего господина в глазах царя. Князь Владимир пытался отделаться от доносчика и упрятал его в тюрьму. Но Грозный велел привезти Савлука в

Москву и получил от него подробные сведения о замыслах удельного князя и его сообщников. Официальная летопись, составленная после примирения братьев, в нарочито туманных выражениях упоминает о «многих неправдах» и «неисправлениях» удельного князя. Но со временем Грозный сам разъяснил, в чем заключались эти «неисправления». «А князю Володимеру, — писал он, — почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение, разве ваши [бояр] измены к нему, да его дурости? (...) яз такие досады стерпети не мог, за себя есми стал».

Казалось, бояре были не прочь заменить неугодного им царя Ивана его недалеким родственником, который стал бы послушной игрушкой в их руках.

Вина Старицких была очевидной, и царь отдал приказ о конфискации Старицкого княжества и о предании суду удельных владык. Судьбу царской родни должно было решать высшее духовенство. (Боярская дума в суде формально не участвовала. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. К тому же в думе было слишком много приверженцев Отарицких.) На соборе царь в присутствии князя Владимира огласил пункты обвинения.

Митрополит и епископы признали их основательными, но приложили все усилия к тому, чтобы прекратить раздор в царской семье и положить конец расследованию.

Конфликт был улажен в конце концов чисто семейными средствами. Царь презирал брата за «дурость» и слабоволие и проявил к нему снисхождение. Он полностью простил его, вернул удельное княжество, но при этом окружил людьми, в верности которых не сомневался. Свою тетку, энергичную и честолюбивую княгиню Ефросинию, Иван не любил и побаивался. В отношении нее он дал волю родственному озлоблению. Ефросиний пришлось разом ответить за все: нестарая, еще полная сил женщина надела монашеский куколь. В период суда над Старицким было получено множество сведений о пролитовских связях удельно-боярской оппозиции. Самый важный донос поступил от бывшего сподвижника Адашева боярина М. Морозова, находившегося в почетной ссылке в Смоленске. После полоцкой кампании в руки Морозова попал литовский пленник, заявивший, что литовцы спешно стягивают силы к Стародубу, наместник которого обещал им сдать крепость. Морозов поспешил сообщить о показаниях пленника царю, Иван придал отписке Морозова самое серьезное значение. Стародубские воеводы были арестованы и преданы суду. И хотя показания пленного более всего компрометировали наместника Стародуба князя Василия Фуникова, пострадал не он, а его правая рука — воевода Иван Шишкин-Ольгов, родня Адашева-Ольгова. Власти обвинили в измене всех родственников покойного правителя. На плаху посланы были его брат окольный Данила Адашев с сыном, тесть Петр Туров, их родня — Сатины. Суд над стародубскими изменниками повлек за собой массовые преследования. По свидетельству современников, власти составили обширные проскрипционные описки. В них стали записывать «сродников» Сильвестра и Адашева, и не только «сродников», но и «друзей и соседей знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь и не знаемых». Арестованных мучили «различными муками» и ссылали на окраины, в «дальние грады». Стародубское дело накалило политическую атмосферу до крайних пределов и вызвало первую вспышку террора.

Жертвами террора стали «великие» бояре Иван и Никита Шереметевы, бояре и князя Михаил Репнин, Юрий Кашин, Дмитрий Хилков и другие.

Страх и подозрения омрачили взаимоотношения Ивана с его старыми друзьями, к числу которых принадлежал князь Андрей Михайлович Курбский. Царя, по его словам, уязвило «согласие» князя с изменниками, и он подверг воеводу «малому наказанию», отправив его в крепость Юрьев с почетным титулом наместника Ливонии. В глазах Курбского такое назначение было знаком немилости.

Только что закончился победоносный полоцкий поход, в котором Курбский выполнял весьма важное и опасное поручение. Он командовал авангардом армии — сторожевым полком. Обычно на этот пост назначали лучших боевых командиров. В дни осады Полоцка -Курбский находился на самых опасных участках осадных работ: он устанавливал туры

против неприятельского острога. После завоевания Полоцка победоносная рать вернулась в столицу, ее ждал триумф. Военачальники могли рассчитывать на награды и отдых. Но Курбский лишен был всего этого. Царь приказал ему ехать в Юрьев и дал на сборы менее месяца. Всем памятно было, что Юрьев послужил местом ссылки «правителя» Алексея Адашева. Прошло менее трех лет с того дня, когда Адашев после успешного похода в Ливонию отбыл к месту службы в Юрьев, потом заключен был в юрьевскую тюрьму и там умер.

По прибытии в Юрьев Курбский обратился к своим друзьям, печерским монахам, с такими словами: «Многажды много вам челом бью, помолитесь обо мне, окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают». Чтобы понять заключенную в словах Курбского аллегория, надо знать, что Вавилоном называли тогда царскую власть. Почему Курбский ждал от царя новых для себя неприятностей? Вспомним, что в это самое время Грозный занялся розыском о заговоре князя Владимира, которому Курбский доводился родственником. Царские послы впоследствии заявили в Литве, что Курбский изменил царю задолго до побега, в то самое время, когда он «подыскивал под государем нашим государства, а хотел видети на государстве князя Володимера Ондреевича, а за князем Володимером Ондреевичем была его сестра двоюродная, а княж Володимераво дело Ондреевича потому же .как было у вас (в Литве) дело Швидригайлу с Ягайлом».

Аналогичные обвинения Грозный адресовал и непосредственно эмигранту Курбскому. Последний не оставил без внимания царские упреки и ответил на них в таких выражениях: «А о Володимере брате воспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство — воистину о сем не мыслих, понеже (Володимер) и не достоин был того». Беглый боярин утверждал, будто он угадал грядущую немилость от царя в тот момент, «когда еще сестру мою (царь) насилием от меня взял еси за того то брата твоего». Тут Курбский явно покривил душой.

Именно брак его сестры княжны Одоевской со Старицким ввел князя в круг ближней царской родни и позволил достичь высокого положения при дворе.

В ближайшие месяцы после суда над Старицкими обстановка в Москве еще более осложнилась. Умер престарелый митрополит Макарий, пользовавшийся авторитетом как у взбалмошного молодого царя, так и у вождей боярской оппозиции. Преемником Макария стал бывший духовник царя Афанасий. Ему предоставлены были особые почести и привилегии. Царские милости упрочили согласие между монархом и церковью, что вызвало решительное осуждение со стороны вождей боярства.

Получив известия о происшедших в Москве переменах, юрьевский наместник Курбский написал второе послание своим единомышленникам в Печерский монастырь, которое, однако, не осмелился отослать и хранил в своем тайнике на воеводском дворе. Послание рельефно выразило настроения полуопального боярина.

Прежде всего Курбский обвинил церковных руководителей «осифлян»

(последователей Иосифа Волоцкого, сторонника богатой и сильной церкви) в том, что они прдкуплены царем и богатства ради угодничают перед властями.

Нет больше в России, писал он, святителей, которые бы спасли гонимую братию и обличили бы царя в его «законопреступных» делах. Слава Курбского свидетельствовали о том, что распри между царем и знатью привели к ожесточенной вражде. Могущественные вассалы не желали мириться с покушениями монарха на их власть и имущество. Курбский дерзко обвинял «державного» правителя в кровожадности, в том, что своей свирепостью он превзошел «зверей кровоядцев». Из-за нестерпимых мук, продолжал боярин, некоторым придется «без вести бегуном ото отечества быть».». Этот намек вполне объясняет, почему Курбский осмелился изложить на бумаге свои самые затаенные мысли. Он закончил тайное послание в Печоры перед самым побегом в Литву. Озабоченный тем, чтобы оправдать задуманную измену, Курбский встал в позу защитника всех обиженных и угнетенных на Руси, позу критика и обличителя общественных пороков. С желчью писал он о «нерадении державы» и «кривине суда» в стране, печалился о бедственном положении дворян, не имеющих не только «коней, ко бранем уготовленных», но и «дневных пищи», с

удивительным сочувствием отзывался о безмерных страданиях торговцев и крестьян, задавленных податями. «Земледелец все днесь узрим, — писал боярин, — како стражут, безмерными данми продаваемы... и без милосердия биемы».». В устах Курбского слова сочувствия крестьянам звучали необычно.

Ни в одном из своих многочисленных произведений он больше ни единым словом не вспомнил о землепашцах. Из многочисленных судебных дел литовского периода известно, как Курбский обращался со своими подданными и соседями. Соседей по имению он нередко бил и грабил, а «купецкий чин» сажал в водяные ямы, кишевшие пиявками, и вымогал у них деньги».

Пробыв год на воеводстве в Юрьеве, Курбский 30 апреля 1564 года бежал в литовские владения. Под покровом ночи он спустился по веревке с высокой крепостной стены и с несколькими верными слугами ускакал в ближайший неприятельский замок — Вольмар. По словам американского историка Э.

Кинана, русский наместник Ливонии мог бы захватить семью, поскольку он бежал, по крайней мере, на трех лошадях и успел взять двенадцать сумок, набитых добром. В самом ли деле Курбский был столь черствым человеком, с легким сердцем покинувшим жену? В этом можно усомниться. Побег из тщательно охранявшейся крепости был делом исключительно трудным, и Курбский утверждал, что его самого верные слуги вынесли «от гонения на своей вые» (шее). Жену же свою беглец попросту не мог взять с собой.

Ливонский хронист Ф. Ниештадт со слов слуги Курбского записал, что боярыня Курбская ждала в то злосчастное время ребенка.

В спешке беглец бросил почти все свое имущество. (За рубежом он особенно сожалел о своих воинских доспехах и великолепной библиотеке.) Причиной спешки было то, что московские друзья тайно предупредили боярина о грозящей ему царской опале. Сам Грозный подтвердил основательность опасений Курбского. Его послы сообщили литовскому двору о том, что царь проведал об изменных делах Курбского и хотел было его наказать, но тот убежал за рубеж». Позже в беседе с польским послом Грозный признался, что намерен был убавить Курбскому почестей и отобрать «места» (земельные владения), но при этом клялся царским словом, что вовсе не думал предать его смерти. В письме Курбскому, написанному сразу после его побега, Иван IV не был столь откровенен. В самых резких выражениях он упрекал, беглого боярина за то, что он поверил наветам лжедрузей и утек за рубеж «единого ради (царского) малого слова гнева». Царь Иван кривил душой, но и сам он не знал всей правды о бегстве бывшего друга. Обстоятельства отъезда Курбского не выяснены полностью и по сей день.

После смерти Курбского литовское правительство отняло у его семьи земельные владения. На суде наследники Курбского, отстаивая свои права, предъявили судьям все документы, связанные с отъездом боярина из России. В ходе разбирательства выяснилось, что побегу Курбского предшествовали секретные переговоры. Сначала царский наместник Ливонии получил из Литвы «закрытые листы», то есть неофициальные письма секретного содержания. Одно письмо было от литовского гетмана князя Ю. Н. Радзивилла и подканцлера Е.

Воловича, а другое — от короля Сигизмунда II. Когда соглашение было Достигнуто, Ю. Н. Радзивилл отправил в Юрьев «открытые листы», то есть заверенные грамоты, с обещанием приличного вознаграждения в Литве.

«Открытые листы» были скреплены печатями и подписями короля и руководителей Литовского королевского совета — «Рады».

Учитывая удаленность польской столицы, несовершенство тогдашних транспортных средств, худое состояние дорог, а также трудности перехода границы в военное время, можно заключить, что тайные переговоры в Юрьеве продолжались никак не менее одного или даже нескольких месяцев. Возможно, что срок этот был еще более длительным.

Ныне стали известны новые документы по поводу отъезда Курбского. Мы имеем в виду письмо короля Сигизмунда II Августа, написанное задолго до измены царского

наместника Ливонии. В этом письме король благодарил князя воеводу витебского за старания его в том, что касается воеводы московского князя Курбского, и позволял переслать тому же Курбскому некое письмо. Иное дело, продолжал король, что из всего этого еще выйдет, и дай бог, чтобы из этого могло что-то доброе начаться, ибо ранее к нему не доходили подобные известия, в частности, о таком «начинании» Курбского.»

Слова Сигизмунда по поводу «начинания» Курбского могут показаться поразительными, если принять во внимание дату — 13 января 1563 года, выставленную на королевском письме. До сих пор историки полагали, что Курбский затеял изменнические переговоры перед самым побегом из России, когда он стал опасаться за свою безопасность. Теперь мы убеждаемся в том, что все началось значительно раньше — за полтора года до отъезда царского наместника.

Еще одно обстоятельство может послужить важной уликой в деле Курбского. Из королевского письма следует, что инициатива переговоров с московским воеводой принадлежала некоему «князю воеводе витебскому». Кто он, не названный по имени адресат Курбского? Если мы обратимся к литовским документам той поры, то сможем установить, что «князь воевода» — это известный нам князь Радзивилл. Цепь фактов замкнулась. Король позволил Радзивиллу отправить письмо Курбскому. «Закрытый лист» Радзивилла, как мы установили выше, положил начало секретным переговорам Курбского с литовцами. В истории измены Курбского открывается еще одна неизвестная прежде страница. Царский любимец, по-видимому, завязал контакты с неприятелем до того, как Грозный по немилости отправил его управлять Ливонией. Измена высокопоставленного воеводы, участвовавшего в разработке и осуществлении планов войны, грозила большими осложнениями. Она открыла литовцам доступ к военным секретам русских. Тяжелая кровопролитная война между Россией и Польско-литовским государством длилась уже несколько лет.

Королевская армия терпела крупные неудачи. Потому Сигизмунда II так обрадовало «начинание» Курбского, и он выразил надежду на «доброе», с его точки зрения, дело. Король не ошибся в своих ожиданиях.

Новые документальные данные заставляют заново пересмотреть известия ливонских хроник, повествующие о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Сложившаяся в Ливонии ситуация отличалась большой сложностью. Ливонские земли оказались поделенными между Россией, Швецией и Литвой. В Риге находились литовцы, в Юрьеве — русские, а в замке Гельмет, расположенном между этими городами, сидели шведы. Шведский король Эрик XIV передал Гельмет своему брату — герцогу Юхану III, от имени которого замком управлял некий граф Арц. Когда король подверг Юхана аресту, Арц не захотел разделить участь своего сюзерена и затеял тайные переговоры с литовцами в Риге, а затем с Курбским в Юрьеве. Шведский наместник заявил, что готов сдать царю замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен. Но кто-то выдал заговорщиков литовским властям. Арца увезли в Ригу и там колесовали в конце 1563 года.

Ливонский хронист осветил в благоприятном для Курбского духе его переговоры с Арцем. Но он добросовестно записал также распространившиеся в Ливонии слухи о предательстве Курбского в отношении шведского наместника Ливонии. «Князь Андрей Курбский, — записал он, — также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Сведения о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя вовсе не были беспочвенными. В рижском архиве найдены документы, проливающие новый свет на историю побега Курбского. Первый документ — это запись показаний Курбского, данных им ливонским властям тотчас после бегства из Юрьева.

Подробно рассказав литовцам о своих тайных переговорах с ливонскими рыцарями и рижанами, Курбский продолжал: «Такие же переговоры он вел с графом Арцем, которого тоже уговорил, чтобы он склонил перейти на сторону великого князя замки великого герцога финляндского, о подобных Делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл». Неожиданная немногословность и ссылка на забывчивость косвенно подтверждают

слухи о причастности Курбского к смерти Арца. После бегства в Ливонию боярин принял к себе на службу слугу казненного графа и в его присутствии не раз со вздохом сокрушался о кончине его господина. Не желал ли он отвести от себя подозрения насчет предательства?

Занимая высокий пост царского наместника Ливонии, Курбский имел возможность оказать литовцам важные услуги. Примечательно, что его изменнические переговоры с литовцами вступили в решающую фазу в то самое время, когда военная обстановка приобрела кризисный характер. 20-тысячная московская армия вторглась в литовские пределы, но адресат Курбского Радзивилл, располагавший информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил московских воевод. Курбский бежал в Литву три месяца спустя после этих событий.

История измены Курбского, быть может, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Будучи в Юрьеве, боярин обращался за займами в Печерский монастырь, а через год явился на границу с мешком золота. В его кошельке нашли огромную по тем временам сумму денег в иностранной монете — 30 дукатов, 300 золотых, 500 серебряных талеров и всего 44 московских рубля.

Курбский жаловался на то, что после побега его имения конфисковала казна.

Значит, деньги получены были не от продажи земель. Курбский не увозил из Юрьева воеводскую казну. Об этом факте непременно упомянул бы Грозный.

Остается предположить, что предательство Курбского было щедро оплачено, королевским золотом. Заметим попутно, что в России не имевшие хождения золотые монеты (дукаты) заменяли ордена: получив за службу «угорский»

(дукат), служилый человек носил его на шапке или на рукаве.

Историки обратили внимание на странный парадокс. Курбский явился за рубежом богатым человеком. Но из-за рубежа он тотчас же обратился к печерским монахам со слезной просьбой о вспомоществовании. Объяснить парадокс помогают подлинные акты Литовской метрики, сохранившие решение литовского суда по делу о выезде и ограблении Курбского. Судное дело воскрешает историю бегства царского наместника в мельчайших деталях. Покинув Юрьев ночью, боярин добрался под утро до пограничного ливонского замка Гельмета, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники.

Но гельметские немцы схватили перебежчика и отобрали у него все золото. Из Гельмета Курбского, как пленника, повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку и отняли лошадей.

Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, то там он имел возможность поразмыслить над превратностями судьбы. На другой день после гельметского грабежа Курбский обратился к царю с упреком: «Всего лишен бых и от земли божия тобою туне отогнан бых.». Слова беглеца нельзя принять за чистую монету. Наместник Ливонии давно вступил в изменнические переговоры с литовцами, и его гнал из отечества страх разоблачения. На родине Курбский до последнего дня не, подвергался прямым преследованиям. Когда же боярин явился на чужбину, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но подвергся насилию и был обобран до нитки. Он разом лишился высокого положения, власти и золота. Катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о «земле божьей» — покинутом отечестве.

Прибыв в Ливонию, беглый боярин первым делом заявил, что считает своим долгом довести до сведения короля «происки Москвы», которые следует «незамедлительно пресечь». Курбский выдал литовцам всех ливонских сторонников Москвы, с которыми он сам вел переговоры, и назвал имена московских разведчиков при королевском дворе.

Одновременно, будучи в Вольмаре, Курбский решил объясниться с царем.

История первого письма Курбского к царю весьма интересна. В древнейших рукописных сборниках письму сопутствует устойчивое окружение — «конвой», — включавшее записку самого Курбского в Юрьев, послание эмигрантов Тетерина и

Сарыхозина к юрьевскому наместнику и обращение литовского воеводы А.

Полубенского к юрьевским дворянам. Все эти письма составлены были в Вольмаре по одному и тому же поводу. Таким поводом послужил побег Курбского. Литовский воевода А. Полубенский предпринял попытку вызволить из Юрьева доспехи и книги Курбского, предложив в обмен русских пленников.

Его предложения были, по-видимому, отвергнуты. Со своей стороны, новый юрьевский наместник Морозов потребовал от литовцев выдачи всех русских беглецов, ждавших Курбского в Вольмаре. Литовцы отклонили это требование, а двое московских беглецов, Тетерин и Сарыхозин, составили насмешливый ответ Морозову.

Текстуальные совпадения в послании Курбского царю и письме Тетерина Морозову не оставляют сомнения в том, что эмигрантский кружок сообща обсуждал эти письма перед отправкой их на родину. Вероятно, именно русские эмигранты познакомили Курбского с некоторыми литературными материалами, которые облегчили ему работу над посланием к царю. Текстологические исследования позволяют восстановить во всех деталях процесс составления знаменитого письма Курбского. В первых строках боярин яркими красками обрисовал царские гонения на сильных во Израиле — будто бы «доброхотную» Ивану знать.

Усилия Курбского устремлены к единой цели: доказать, что его измена была вынужденным шагом человека, подвергшегося на родине преследованиям. Каждая строка его письма проникнута этой мыслью. Но если прислушаться внимательнее к жалобам «изгнанника», то можно заметить в них странное несоответствие. С удивительным красноречием беглец защищает всех побитых и заточенных на Руси, но слова его теряют всякую конкретность, едва речь заходит о его собственных обидах. В конце концов боярин отказывается даже перечислить эти обиды под тем предлогом, что их слишком много.

В действительности Курбский ничего не мог сказать о преследованиях на родине, лично против него направленных. Поэтому он прибегнул к цитатам богословского характера, чтобы обличить царя в несправедливости. Эти цитаты он заимствовал, однако, не из «священного писания», а из письма некоего литовского монаха Исайи, сидевшего в московской тюрьме».

Пересланное в Литву из Вологды с лазутчиками, это письмо попало к Курбскому, очевидно, из рук русских эмигрантов.

С помощью цитат из Исайи Курбский пытался доказать, что Грозный впал в «небытную ересь» (иначе говоря, царь как еретик надеется избежать суда божьего), что сам он, автор письма, сколько ни вопрошал свою совесть (перед лицом бога), не нашел в себе никакого прегрешения против царя.

Последняя цитата из Исайи гласила: «И воздал еси мне злая возблагая и за возлюблено мое — непримирительную ненависть». При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что за «возлюблением» Курбского, за его мнимым «доброхотством» царю крылось давнее предательство.

Беглый боярин решил передать письмо Грозному через своих юрьевских друзей, и для этого послал в Юрьев верного холопа Василия Шибанова. Холоп должен был испросить займы деньги у печерских монахов, а заодно наведаться в Юрьев и передать верным людям записку Курбского. В записке заключена была просьба вынуть из-под печи в воеводской избе боярские «писания» и передать их царю или печерским старцам. После многих лет унижений и молчания Курбский жаждал бросить в лицо бывшему другу гневное обличение, а заодно оправдать перед всеми свою измену.

Тайный гонец Курбского не успел осуществить своей миссии. Его поймали и в оковах увезли в Москву. Предание о подвиге Шибанова, вручившего царю «досадительное» письмо на Красном крыльце в Кремле, легендарно. Достоверно лишь то, что пойманный холоп даже под пыткой не захотел отречься от господина и громко похвалял его, стоя на эшафоте.

Раздоры с думой и вызов, брошенный Курбским, побудили Грозного взяться за перо для вразумления строптивых подданных.

Курбский получил эписистолию царя через несколько месяцев после побега. В то время он уже переехал из Вольмара в Литву, и король наградил его богатыми именьями. Интерес к словесной перепалке с Грозным стал ослабевать. Беглый боярин составил краткую доказательную отписку царю, но так и не отправил ее адресату. Отныне его спор с Иваном могло решить лишь оружие. Интриги против «божьей земли», покинутого отечества, занимали отныне все внимание эмигранта. По совету Курбского король натравил на Русь крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку». Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Результаты этого нового вторжения были подробно описаны в дневниковой записи рижского дипломатического агента от 29 марта 1565 года.

Автор дневника вел переговоры с высшими сановниками Литвы и с их слов узнал о разгроме отборной 12-тысячной русской армии. Эта победа, записал он, одержана была благодаря ренегату Курбскому, перебежавшему на сторону короля. Хорошо зная местность, Курбский с 4-тысячным литовским войском занял выгодную позицию, вследствие чего русские должны были растянуть свои силы по узкой дороге и оказались окруженными со всех сторон болотом.

Сражение завершилось, кровавым побоищем: около 12 тысяч русских были перебиты, 1500 взяты в плен.

Реляция Курбского и его литовских сторонников, без сомнения, преувеличила масштабы одержанной ими победы. Однако совершенно очевидно, что действия беглого боярина нанесли немалый ущерб России. Опрокинув русские заслоны, неприятель, по словам рижского агента, разорил четыре воеводства в землях московитов. Враги увели много пленных и 4 тысячи голов скота. Легкая победа вскружила боярскую голову. Изменник настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он вызвался завоевать Москву.

Если по отношению к нему есть еще некоторые подо-, зрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы те тотчас же застрелили его, если заметят в нем неверность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним.

Эмигрант не выражал больше сожаления о «божьей земле» и не выставлял себя защитником всех преследуемых и гонимых на Руси. Круг предательства замкнулся: Курбский поднял меч на родную землю.

ЛИТЕРАТУРА

- Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966.
- Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л. 1973 «Полное собрание русских летописей». М. 1965 «Русская историческая библиотека» Спб., 1914 «Витебская старина», Витебск, 1885 «Послания Ивана Грозного». М. — Л.
- «Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни», Киев Keenan E. The Hurbisiti — Groznnyl Aposcypha Cambridge Ф, Ниештадт. Летопись. Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880 Сб. Русского исторического общества., Спб., 1892 М. Петровский. Рецензия на «Сказания князя А, Курбского» (изд. 3-е, издал Н. Устрялов. Спб., 1868). — «Известия. Казанского университета»
- Акт Литовской метрики о бегстве князя А. М. Курбского. — «Известия отделения русского языка и словесности АН», 191

